

СВОБОДА ПРЕПОДАВАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. В. Ростова

Приокский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2016 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с определением конституционного содержания свободы преподавания и творчества. Автор отстаивает концепцию самоуправления в вузовской педагогике, согласно которой профессиональное сообщество гораздо лучше, чем государство, способно реализовать задачу ограничений свободы преподавания, адаптированную к целям учебно-воспитательного процесса в силу профессиональных знаний, навыков и умений субъектов образовательного процесса. Функция государства в данном аспекте связана конституционной целью введения минимальных стандартов и требований, обусловленных важнейшими публичными интересами.

Ключевые слова: свобода преподавания, свобода творчества, конституционные права и свободы человека и гражданина, право на образование.

Abstract: clause is devoted to research of some the problems connected with revealing of the constitutional maintenance of freedom of teaching and creativity. The author defends the concept of self-management in high school pedagogics according to which the professional community is much better, than the state, is capable to realize a problem of restrictions of freedom of the teaching, adapted to the purposes of teaching and educational process by virtue of a professional knowledge and skills of subjects of educational process. Function of the state in the given aspect is connected by the constitutional purpose of introduction of the minimal standards and the requirements caused by the major public interests.

Key words: freedom of teaching, freedom of creativity, constitutional rights and freedom of the person and the citizen, the right to teaching.

Частью 1 ст. 44 Конституции РФ¹ гарантируется свобода преподавания и творчества². Данное нормативно-правовое решение Основного закона Российского государства свидетельствует о признании этой свободы в качестве самостоятельного элемента в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина, который находится в органической взаимосвязи с другими элементами системы: свободой совести и вероисповедания (ст. 28), свободой мысли и слова (ч. 1 ст. 29), правом на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 4 ст. 29), правом на образование (ст. 43). Современная Россия, вопреки многовековой практике фактического отрицания свободы преподавания и

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. и доп. // Рос. газета. 1993. 25 дек. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30. Ст. 4202.

² См.: Кайгородцева Е. И. Основные причины закрепления свободы преподавания в Конституции Российской Федерации // Юрид. образование и наука. 2006. № 2. С. 28.

творчества, на конституционном уровне закрепила так называемые «академические свободы» (в англоязычном варианте «Academic Freedom»)³, гарантирующие самостоятельность, автономию и независимость образовательных и научных организаций, их профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и обучающихся в теоретическом осмыслении окружающего мира, исследовании научных проблем, разработке категорий, принципов, суждений и обобщений, образующих в совокупности научное знание⁴.

Свобода преподавания по смыслу ч. 1 ст. 44 Конституции РФ распространяется на все виды образовательных организаций⁵. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 23) к ним относятся дошкольные, общеобразовательные, профессиональные организации, а также образовательные организации высшего образования. Нельзя сказать, что образовательные программы дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования исключают свободу преподавания и творчества. Однако основная цель деятельности соответствующих образовательных организаций, кроме присмотра и ухода за детьми на самых ранних этапах, состоит в формировании начальных, общих и средних, в том числе профессиональных, знаний, навыков и умений, которые основываются, как правило, на уже имеющихся достижениях современной науки и опыте функционирования общества. Поэтому конституционная сущность академических свобод наиболее ярко проявляет себя в деятельности организаций высшего образования и научных организаций. В связи с этим, на наш взгляд, не случайно в большинстве конституций зарубежных стран, признающих академические свободы, гарантируется самостоятельность именно высших учебных заведений, чаще всего – университетов, а не вообще образовательных организаций (Албания, Болгария, Греция, Испания, Литва, Македония, Молдова, Польша, Румыния, Хорватия, Эстония и др.).

М. Н. Марченко связывает академические свободы с обязанностью преподавателя вуза «заниматься научной работой, систематически обновлять свой профессиональный и интеллектуальный багаж». По мнению автора, это – «аксиома, неоспоримая, тысячекратно подтвержденная» многовековой практикой, а также «самой повседневной жизнедеятель-

³ См.: Statement of Principles on Academic Freedom and Tenure. URL: <http://www.aaup.org>

⁴ См.: Авакьян С. А. Свобода преподавания : конституционно-правовая интерпретация // Актуальные проблемы преподавания конституционного и муниципального права. М., 2008. С. 13–18; Болотова Е. Л. Свобода преподавания как объект правового научного исследования // Научные труды РАЮН : в 2 т. 2011. № 11, т. 2. С. 1044; Суворов М. И. О свободе преподавания // Юрид. наука и преподавание права : проблемы и перспективы. Тверь, 1996. С. 147–149.

⁵ См.: Кайгородцева Е. И. Субъекты свободы преподавания в рамках действующего законодательства // Юрид. образование и наука. 2006. № 1. С. 18–21.

⁶ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. с изм. и доп. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598 ; 2015. № 18. Ст. 2625.

ностью общества, государства и права истина»: нет и не может быть высококачественного образования без высокоразвитой науки, и наоборот⁷. Приведенной точке зрения корреспондирует позиция Н. А. Богдановой, согласно которой цель каждой науки состоит в свободном постижении своего предмета. Это достигается «посредством особых методологических приемов познавательной деятельности в их специфическом только для данной науки сочетании. Результаты такой деятельности приобретают форму представлений и теоретических построений различного уровня и сложности в зависимости от конкретных исследовательских задач»⁸. Ученые солидарны в том, что данные цели достижимы лишь при условии достаточной свободы профессионального, научного, педагогического сообщества от воздействия извне.

Наиболее точно указанная мысль сформулирована С. А. Авакьяном при определении категории «свобода». В контексте исследования конституционного феномена свободы преподавания и творчества под свободой следует понимать не столько «закрепленную в нормативном правовом акте возможность определенного поведения человека», сколько «самостоятельный выбор индивидом или организацией варианта своего образа жизни и деятельности». Свобода преподавания и творчества связана правом, моралью, обычаями и другими социальными регуляторами общественных отношений, но лишь при условии их общеобязательности (право) или «объявления обязательными» (другие системы социальных норм) ввиду их признания профессиональным, научным или педагогическим сообществом и направленности на достижение общей цели научного знания⁹.

С точки зрения В. А. Лебедева, права человека представляют собой «нормативную основу взаимодействия людей, координацию их поступков и деятельности, которая позволяет преодолевать конфликты интересов, противоречия, обеспечивая людям свободный статус»¹⁰. Таким образом автор, по сути, объединяет категории «права» и «свободы» в единую защищаемую конституцией ценность, при которой «права» не могут существовать без «свобод», и наоборот. Субъективное право имеет в качестве одной из целей обеспечение «свободного статуса», т.е. свободы лица, являющегося носителем субъективного права. Если признать правомерность данной позиции, то свобода преподавания и творчества одновременно является и правом определенной категории лиц на невмешательство извне в творческий преподавательский процесс (которому в конституционных правоотношениях корреспондирует обязанность другой категории лиц

⁷ См.: *Марченко М. Н.* Юридическая наука и юридическое образование в современной России // Юрид. наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Ростов н/Д., 2009. С. 15.

⁸ *Богданова Н. А.* Система науки конституционного права. М., 2001. С. 7.

⁹ См.: Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2001. С. 522.

¹⁰ *Лебедев В. А.* Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). М., 2005. С. 7.

бездействовать, т.е. не препятствовать свободному творческому процессу в образовательной деятельности).

Подобные суждения базируются на весьма распространенном в юридической науке мнении, что субъективные права представляют собой гарантированную законом меру «свободы» или «возможности»¹¹. Однако «свобода» и «возможность» – не одно и то же. Возможность, которой в правоотношении ставится в корреспонденцию субъективная обязанность другого лица, предполагает нечто большее, чем просто свобода. В анализируемом контексте «свобода» означает невмешательство, беспрепятственность, отсутствие ограничений, но не активные действия лица, обязанного законом в силу наличия субъективных прав у других лиц. В связи с этим нет достаточных оснований для утверждений, что «право на жизнь» тождественно «свободе жизни», «право на достоинство личности» – «свободе достоинства личности» и т.п. По данной причине более предпочтительной представляется точка зрения В. С. Нерсесянца, по мнению которого главное при разрешении вопросов о «мере», «свободе» и «справедливости» в юриспруденции состоит в их «формально-правовом выражении и значении»¹².

Нетрудно заметить, что законодатель в формально-правовом выражении позиционирует анализируемый институт именно в качестве «свободы преподавания и творчества», а не в виде субъективного права образовательных организаций, их должностных лиц и профессорско-преподавательского состава на автономию, самостоятельность или независимость. Тем самым законодатель подчеркивает основной смысл этой категории, заключающийся в неразрывной взаимосвязи «свободы творчества» и «свободы преподавания». Г. Д. Садовникова полагает, что под «свободой творчества» следует понимать право каждого самостоятельно, без постороннего вмешательства, «осуществлять творческую деятельность». В свою очередь, преподавание можно рассматривать «как педагогическую творческую (курсив наш. – М.Р.) деятельность по обучению и воспитанию в интересах личности, общества и государства»¹³. Следовательно, конституционный смысл свободы преподавания как творческой деятельности предполагает самостоятельность преподавания и запрет внешнего вмешательства в преподавательскую деятельность в той мере, в какой это включает в себя творчество. Иными словами, Г. Д. Садовникова истолковывает свободу преподавания и творчества в системном единстве и неразрывной связи. При такой постановке проблемы сама по себе свобода преподавания не гарантируется конституцией государства, она обеспечивается основным законом лишь в той мере, в какой преподавание имеет творческую природу.

В первые годы «перестройки» М. В. Баглай в одной из своих научных работ утверждал, что в постсоветской России требуется фундаментальное

¹¹ См., например: *Новак-Каляева Л. Н.* Классификация прав человека в контексте функциональной взаимосвязи с государственным управлением // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 63.

¹² *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. М., 1999. С. 41.

¹³ Конституция Российской Федерации : постатейный науч.-практ. комментарий / под ред. Е. И. Козловой. М., 2009. С. 133–134.

переосмысление категории «свобода» как одной из «главных ценностей жизни». По мнению ученого, свобода неразрывно связана с демократизмом в организации власти государства и гуманизмом в правосознании, чему способствуют «инициатива, предприимчивость, гласность, плюрализм мнений, свободный выбор, самоуправление и самодеятельность людей», причем свободой должны пользоваться не расплывчатое «большинство народа», а «каждый человек в отдельности»¹⁴. Полагаем, что это суждение сохраняет свою актуальность и в современных условиях. Применительно к исследуемой свободе преподавания и творчества оно означает, что для реализации данной свободы требуются демократизм в управлении образованием, запрет гипертрофированного коллективизма в организации образовательного процесса, гарантированные законом возможности преподавателей и педагогов в их инициативе, самоуправлении и самодеятельности.

При такой постановке вопроса категория «свобода преподавания» по юридическому смыслу понимается, с одной стороны, шире, чем «право на преподавание» (в контексте необходимости свободы в демократическом обществе как условия свободы преподавания), а с другой – уже (с точки зрения наличия или отсутствия активных обязанностей лиц, связанных в правоотношениях с управомоченными лицами). В связи с этим, на наш взгляд, заслуживает критического осмысления предложенное С. Ю. Зайцевым определение свободы преподавания, под которой автор понимает «дозволительное средство, обеспечивающее преподавателю беспрепятственное осуществление профессиональной деятельности, поддерживаемое юридическими обязанностями иных участников образовательных правоотношений и возможностью правовой защиты»¹⁵. По существу, С. Ю. Зайцев отождествил понятия «свободы преподавания» и «права на преподавание». Кроме того, вызывает критическую оценку толкование свободы преподавания в качестве «дозволительного средства», восприятие этой свободы в качестве абсолютной («беспрепятственность»). Однако автор совершенно правильно, по нашему мнению, ограничивает сферу свободы преподавания «профессиональной деятельностью» педагогов, выделяя тем самым важные особенности этой свободы, в частности по сравнению со свободой мысли и слова правом на выражение мнения.

Нетрудно заметить, что научные позиции Г. Д. Садовниковой и С. Ю. Зайцева не совпадают в следующем: в первом случае свобода преподавания позиционировалась в неразрывной конституционно-правовой связи с творчеством и его свободой; во втором – объектом свободы преподавания называется «профессиональная деятельность», которая далеко не во всех случаях может считаться «творческой». Более того, в основном профессиональная деятельность педагогов сопряжена с реализацией установленных правом, моралью и педагогической наукой принципов,

¹⁴ *Баглай М. В.* Правовое государство : от идеи к практике // Социалистическое правовое государство : проблемы и суждения. М., 1989. С. 117.

¹⁵ *Зайцев С. Ю.* Конституционно-правовые гарантии свободы преподавания : автореф. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015. С. 12–13.

ценностей, норм и процедур, которые не всегда должны быть «творчески-ми». Распространяет ли в подобных случаях свое действие нормативное предписание ч. 1 ст. 44 Конституции РФ?

Ответ на поставленный вопрос связан с *предметом* автономии, самостоятельности или независимости того или иного конституционно-правового субъекта. В целях сравнения примечателен опыт конституционно-правового регулирования статуса других субъектов, признаваемых конституционным правом в качестве «автономных», «самостоятельных» или «независимых», например субъектов РФ¹⁶, местного самоуправления¹⁷, парламентариев¹⁸ и органов народного представительства¹⁹, судей²⁰ и судов²¹, органов прокуратуры и прокуроров²², органов следствия и следователей²³, адвокатуры²⁴, нотариата²⁵ и т.п. В каждом из названных случаев Конституция РФ и развивающее ее положения законодательство конкретизируют, каким именно является предмет автономии (самостоятельности, независимости) данного конституционно-правового субъекта. Вне подобных рамок «автономия, самостоятельность и независимость» не являются юридически допустимыми, поскольку иное означало бы отрицание государственного суверенитета России – одну из фундаментальных основ конституционного строя страны (ст. 4 Конституции РФ).

Так, субъекты РФ самостоятельны по предметам их ведения (ст. 73 Конституции РФ). Согласно ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление самостоятельно «в пределах своих полномочий», причем органы мест-

¹⁶ См.: *Конев Ф. Ф.* Федеративные отношения и развитие самостоятельности субъектов Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 3. С. 38–40; № 4. С. 10–14.

¹⁷ См.: *Шамхалов М. А.* Автономия и самостоятельность местного самоуправления как конституционно-правовой принцип : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 19.

¹⁸ См.: *Варлен М. В.* Понятие и основные элементы конституционно-правового статуса парламентария в России // Современное право. 2009. № 10. С. 18.

¹⁹ См.: *Жамбалнибуев Б. Ж.* Финансовая независимость и самостоятельность парламентов // Экономические аспекты развития нормативно-правовой основы обеспечения парламентской деятельности в Российской Федерации. М., 2003. С. 23.

²⁰ См.: *Шеломанова Л. В.* Понятие и сущность категории «независимость судей» в конституционном праве России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 6.

²¹ См.: *Уитц Р.* Независимость судебной власти : новый взгляд на основные принципы через призму международных документов и практику конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 2. С. 153.

²² См.: *Косюта М.* Независимость прокуратуры и прокурора : сущность и гарантии // Законность. 2001. № 2. С. 48.

²³ См.: *Чернышев И. В.* Вопросы независимости следователя в ходе предварительного следствия // Рос. следователь. 2013. № 6. С. 8–10.

²⁴ См.: *Сергеев В. И.* Независимость адвокатуры от государства – необходимое условие защиты прав человека // Адвокатская практика. 2002. № 4. С. 40–48.

²⁵ См.: *Черников А. Е.* Понятие и конституционно-правовая природа нотариата в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 23. С. 26–30.

ного самоуправления «не входят в систему органов государственной власти». Под «своими полномочиями» местного самоуправления, как следует из содержания ст. 130 Конституции РФ, понимаются «вопросы местного значения», которые следует отличать от «отдельных государственных полномочий». В целом Конституция РФ гарантирует «самостоятельность» каждой из ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) в отношении друг друга (ст. 10), местного самоуправления (ст. 12, 130–132), граждан по достижении ими совершеннолетия в осуществлении своих прав и обязанностей (ст. 60), субъектов РФ в установлении системы региональной государственной власти (ст. 77). Термин «независимость» употребляется в Конституции РФ в целях гарантирования автономии Центрального банка РФ в защите и обеспечении устойчивости рубля (ст. 75), установления полномочий Президента РФ по охране независимости страны (ст. 80) и содержания присяги главы государства, предполагающей обязанность Президента РФ защищать эту независимость (ст. 82), гарантирования независимости судей (ст. 120) и правосудия (ст. 124). Категория «автономный» используется в Конституции РФ исключительно в контексте определения статуса автономных образований – автономной области и автономных округов. Но в целом термины «самостоятельный», «независимый», «автономный» употребляются в Конституции РФ если не в тождественном, то весьма близком смысловом значении.

Используя метод правовой аналогии, имеются основания утверждать, что свобода преподавания означает *самостоятельность, автономию и независимость* субъектов образовательных отношений (преподавателей, кафедр, факультетов и вузов) от чьего-либо вмешательства извне (прежде всего – государства) в их *профессиональную деятельность*. Данная «самостоятельность», разумеется, не является абсолютной²⁶ и ограничивается правом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), однако государство в силу требований ч. 1 ст. 44 Конституции РФ не может тотально контролировать образовательный процесс, вмешиваться в учебно-воспитательную деятельность преподавателей вузов в режимах «оперативного управления» и «учебно-методического контроля», навязывать субъектам образовательных отношений какую-либо идеологию, мировоззрение или систему ценностей (ст. 13 Конституции РФ).

Исходя из концепции самоуправления в вузовской педагогике предполагается, что профессиональное сообщество гораздо лучше (эффективнее, гибче и т.д.), чем государство (или кто-либо еще, склонный к вмешательству в профессиональную деятельность извне), способно реализовать задачу ограничений свободы преподавания, адаптированную к целям учебно-воспитательного процесса в силу профессиональных знаний, навыков и умений именно субъектов образовательного процесса, а не каких-либо иных лиц²⁷. Функция государства в данном аспекте связана конститу-

²⁶ См.: *Болотова Е. Л.* Правовые ограничения свободы преподавания // Конституция как основа правовой системы государства в XXI веке. М., 2009. С. 101.

²⁷ См.: *Мельникова М. В.* Гарантии свободы преподавания в подготовке специалистов // Юбилейные чтения, посвященные 120-летию А. С. Макаренки. Самара,

ционной целью введения *минимальных* стандартов и требований, обусловленных *важнейшими* публичными интересами (мир, безопасность, пресечение экстремизма, национальной розни, религиозной нетерпимости и т.п.), что исключало бы *чрезмерное вмешательство* государственными органами в автономию вузовского профессионального сообщества, тем более – тотальный контроль и надзор государства над деятельностью образовательных организаций²⁸.

Высказанная точка зрения опиралась на предположение о методологической близости, с одной стороны, ч. 1 ст. 44 Конституции РФ (свобода преподавания и творчества), а с другой – ст. 10, 12, 60, 75, 77, 80, 82, 120, 124, 130–132 Конституции РФ (самостоятельность и независимость субъектов конституционных правоотношений). Однако это предположение может быть поставлено под сомнение с точки зрения нормативного содержания других статей Конституции РФ, регулирующих «свободы» человека и гражданина наряду с «правами» этих субъектов²⁹. Действующая Конституция РФ закрепляет не только свободу преподавания и творчества, но также свободу выборов (ч. 3 ст. 3), развития человека (ч. 1 ст. 7), перемещения товаров, услуг и финансовых средств; экономической деятельности (ч. 1 ст. 8), право на свободу (ч. 1 ст. 22), свободу выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26), передвижения и поселения (ч. 1 ст. 27), выезда за пределы страны (ч. 2 ст. 27), совести и вероисповедания (ст. 28), мысли и слова (ч. 1 ст. 29), информации (ч. 4 ст. 29) и т.д. Если опираться на метод аналогии ч. 1 ст. 44 с вышеуказанными статьями, свобода преподавания должна пониматься в качестве «права на преподавание» или, что точнее, «права на свободное преподавание», а не «свободы» как таковой, как это следовало бы из аналогии со ст. 10, 12, 60, 75, 77, 80, 82, 120, 124, 130–132 Конституции РФ.

2008. С. 158 ; *Кайгородцева Е. И.* Гарантии свободы преподавания // Гражданин и право. 2007. № 8. С. 58–61.

²⁸ См.: *Зайцев С. Ю.* Роль институтов гражданского общества в гарантировании свободы преподавания // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 44–48.

²⁹ Дополнительно к этому следует заметить, что многие авторы усматривают различия между конституционно-правовыми категориями «самостоятельность» и «независимость» (см., например: *Носков И. Ю.* Об особенном и общем в содержании понятий «независимость судебной власти, судьи» и «самостоятельность судебной власти, судьи» // Рос. судья. 2013. № 1. С. 39–42).

Приокский государственный университет

Ростова М. В., ассистент кафедры конституционного и муниципального права

E-mail: konst-kafedra@mail.ru

Тел.: 8 (4862) 41-98-07

Prioksky State University

Rostova M. V., Assistant of the Constitutional and Municipal Law Department

E-mail: konst-kafedra@mail.ru

Tel.: 8 (4862) 41-98-07